

вспомнить одной своей встречи с В. Я. Брюсовым в Московском Литературно-Художественном Кружке, уже после смерти Льва Николаевича. Это была первая встреча.

Когда меня представили поэту, отрекомендовав «бышим ...» и т. д., он, точно как будто инстинктивно, вдруг отшатнулся от меня.

— Лев Николаевич... — пробормотал он. — Ну, что—о же!.. Лев Николаевич заявил в «Что такое искусство», что стихотворение Малларме «*A la nue assablante tu...*» — чепуха! Он приводит его, как образец чепухи!.. А я считаю, что это стихотворение — шедевр, подобного которому не было!.. Ну, разве можно так говорить? Чепуха?! Чудное стихотворение!.. Ну, что же это! Что же — Лев Николаевич!..

Брюсов смотрел на меня с выражением крайнего отвращения на лице, как будто это я обругал Малларме.

Мы так с ним больше ни о чем и не говорили. Я откланялся председателю Кружка и отошел в сторону: пожалуй, он еще побил бы меня за прегрешение Льва Николаевича перед Малларме...

Был один писатель, к которому Лев Николаевич тоже относился, если можно так выразиться, «пристрастно», но уже не в отрицательную, а в положительную сторону. Это — небезызвестный крестьянин-писатель С. Т. Семенов, произведения которого печатались у «Посредника». Толстой всегда старательно выдвигал Семенова, подкупленный вниманием изобразителя к той среде, которую он сам так любил, т. е. к крестьянству. Особенно восхищал Толстого